

Глава III

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ, АДЕКВАТНОСТЬ, ПЕРЕВОДИМОСТЬ

УРОВНИ И ВИДЫ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Какими бы противоречивыми ни были требования, предъявляемые к переводу, нельзя не признать, что перевод является целенаправленной деятельностью, отвечающей определенным оценочным критериям. Одним из требований, издавна выдвигаемых теорией и практикой переводческой деятельности, является требование эквивалентности текстов — исходного и конечного. Эквивалентности придавалось решающее значение в теоретическом описании перевода и выявлении его сущности. Недаром в рассмотренных нами в предыдущей главе различных определениях перевода часто присутствовало понятие эквивалентности, которое многие теоретики считали и считают одной из наиболее важных онтологических черт перевода.

Подобно тому как различные определения перевода соответствовали различным этапам развития науки о переводе, различные понимания эквивалентности отражали эволюции взглядов на сущность перевода. Так, в теории закономерных соответствий, заслуга разработок которой принадлежит одному из пионеров лингвистического переводоведения в нашей стране, Я.И. Рецкеру, понятие эквивалентности распространялось лишь на отношения между микроединицами текста, но не на межтекстовые отношения. При этом эквивалент понимался как постоянное равнозначное соответствие, как правило не зависящее от контекста [Рецкер, 1974, 10—11].

Думается, что такое узкое понимание эквивалента объясняется местом этой категории в используемой в теории закономерных соответствий системе понятий. Ведь родовым понятием в этой системе является "соответствие", а видовыми — "эквивалент" и "вариантное соответствие", устанавливаемое между словами в том случае, когда в языке перевода существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова. Так, к эквивалентам относятся *doctrinarianism* 'доктринерство', *dodder* (бот.) 'повилика', *dodman* (диал.) 'улитка', *dog-bee* (энт.) 'трутень', *dog-bolt* (тех.) 'откидной болт', *dog-collar* 'ошейник'. Приведенные соответствия относятся к категории полных эквивалентов, поскольку они охватывают полностью значение данного слова, а не одно из его значений. Слово *shadow* имеет частичный эквивалент 'тень', соответствующий его основному значению (побочным значениям соответствуют рус. 'полумрак' и 'призрак'). Когда слово многозначно, как, например, существительное *rip*, и даже в технике имеет ряд значений: 'палец', 'штифт', 'шпилька', 'шплинт' и другой ряд специальных значений: 'шкворень', 'ось', 'цапфа', 'шейка', то ни одно из них, по мнению Я.И. Рецкера, нельзя считать эквивалентным. Это — варианты соответствия [Рецкер, 1974, 11—12].

Разумеется, каждый автор имеет право употреблять тот или иной термин в соответствии с используемым им понятийным аппаратом, и, хотя в переводческой литературе доминирует более широкое

толкование понятий "эквивалент" и "эквивалентность", в эти термины можно вкладывать и иной смысл. Однако обращает на себя внимание другое обстоятельство. Разграничение понятий "эквивалент" и "вариантное соответствие" продиктовано, по-видимому, не столько переводческими, сколько лексикографическими соображениями.

В самом деле, для переводчика различие между "частичным эквивалентом" и "вариантным соответствием" несущественно. И в том, и в другом случае он имеет дело с неоднозначным соответствием: одному слову в исходном языке соответствует несколько слов в языке перевода. Различие возникает лишь в словаре: в первом случае соответствия даются под отдельными цифрами и относятся к разным значениям многозначного слова (например, criminal 1) преступник, 2) лицо, виновное в совершении преступления), а во втором — приводятся под одной цифрой как разные соответствия в рамках одного и того же значения (например, stinge 1. раболепствовать, низкопоклонствовать; стоять в подобострастной позе...). Что же касается полных эквивалентов, то они встречаются, как отмечает Я.И. Рецкер, главным образом среди географических названий, собственных имен и терминов и, следовательно, представляют собой не столь частое явление. Попутно отметим, что даже в пределах этих лексических пластов полные эквиваленты встречаются не столь уж часто. Так, например, английскому термину "friction clutch" в русском языке соответствуют два термина: "фрикционное сцепление" и "муфта". В ряде случаев спорными представляются некоторые из приводимых Я.И. Рецкером примеров "полных эквивалентов" (например, с предлагаемым им эквивалентом англ. supermarket 'магазин самообслуживания' успешно конкурирует 'универсам'; sell-out — это не только 'предательство национальных интересов', но и любое 'предательство, измена').

Более того, "частичные эквиваленты" никак не подпадают под их приведенное выше определение как равнозначных соответствий, не зависящих от контекста, поскольку выяснить, как следует перевести многозначное слово, можно только из контекста (ср. the shadow of the house 'тень от дома' и the shadows lengthen 'сумерки сгущаются'). А если ограничить понятие эквивалента лишь "полными эквивалентами", то выяснится, что речь идет о довольно редком явлении, которое едва ли можно считать ориентиром, помогающим переводчику "понять значение окружающего контекста и всего высказывания в целом", даже если последнее содержит незнакомые ему слова. Ведь что касается "частичных эквивалентов", то для выяснения их конкретного смысла необходим контекст, а "полные эквиваленты" не могут служить смысловым ориентиром хотя бы потому, что это — относительно редкие слова, едва ли известные переводчику (ср., например, из приводимого Я.И. Рецкером перечня эквивалентов dodder, dodman, dog-bolt).

Из сказанного следует, что в определении эквивалентности у Я.И. Рецкера четко прослеживаются исходные позиции "теории закономерных соответствий", построенной в основном на соотношении отдельных единиц. Речь идет фактически о соотношении языков, а не о соотношении текстов'. Сходный подход, хотя и основанный на других

лингвистических предпосылках, обнаруживает Дж. Кэтфорд. Согласно его определению текстовый переводческий эквивалент — это любая форма языка перевода (текст или часть текста), которая, согласно наблюдениям, эквивалентна данной форме исходного языка (тексту или части текста). Здесь как будто бы речь идет о текстах. На самом же деле, сопоставляются отдельные формы двух языков. Текстом считается, например, предложение *My son is six*. Его эквивалент в другом языке устанавливается путем обращения к двуязычному информанту или компетентному переводчику, который может предложить французский эквивалент этого предложения: *Mon fils a six ans*.

Определяя условия переводческой эквивалентности, Дж. Кэтфорд пишет: "Для того, чтобы существовала переводческая эквивалентность, необходимо, чтобы как исходный, так и конечный тексты были бы соотносимы с функционально релевантными признаками данной ситуации" [там же, 94]. Под функционально релевантными признаками ситуации подразумеваются признаки, существенные с точки зрения коммуникативной функции текста в данной ситуации. Функциональная релевантность не может быть точно определена и устанавливается чисто интуитивно на основе широкого экстралингвистического г контекста (или "котекста" в терминологии Кэтфорда).

Выше, рассматривая определение перевода у Кэтфорда (см. гл. II), мы отмечали, что основным элементом этого определения является отражение в переводе предметной (референциальной) ситуации. Ту же соматическую направленность мы находим и в характерном для этого автора понимании эквивалентности. Но, как справедливо отмечает автор обзора переводоведческих работ по эквивалентности и адекватности Р. Левицкий, "поскольку свойства ситуации не подлежат научному описанию, теории перевода остается заняться только межъязыковыми закономерностями, которые прослеживаются на пути от оригинала к переводу. Такая позиция приводит, в частности, к введению понятия "restricted translation" [Catford, 1965, 22] — перевода на одном, избранном уровне языка" [Левицкий, 1984 75].

В выдвинутой Ю. Найдой концепции "динамической эквивалентности", которой мы уже касались в гл. II, делается попытка преодолеть ограниченность чисто семантического подхода к эквивалентности. Наличие семантического подобия между двумя текстами не рассматривается более как достаточное условие эквивалентности. "Динамическая эквивалентность" определяется как "качество перевода, при котором смысловое содержание оригинала передается на языке-рецепторе таким образом, что реакция (response) рецептора перевода в основном подобна реакции исходных рецепторов" [Nida, Taber, 1969, 202]. При этом под реакцией подразумевается общее восприятие сообщения, включающее понимание его смыслового содержания, эмоциональных установок и др. Таким образом, в определение эквивалентности вводится прагматическое измерение — установка на рецептора. Понятие "динамическая эквивалентность" противопоставляется понятию "формальное соответствие", т.е. того качества перевода, при котором признаки формы исходного текста

механически воспроизводятся в языке-рецепторе, внося искажения в смысл сообщения и приводя к его неправильному восприятию.

Понятие динамической эквивалентности в определении Ю. Найды учитывает еще один существенный компонент перевода коммуникативную ситуацию. Если для Дж. Кэтфорда решающим (и, пожалуй, единственным) критерием эквивалентности является семантический критерий соотнесенности с предметной ситуацией, то у Ю. Найды на первый план выдвигается наличие в процессе перевода двух коммуникативных ситуаций и необходимость согласованности вторичной коммуникативной ситуации с первичной.

Разумеется, установка на получателя не исчерпывает тех прагматических отношений, которые характеризуют коммуникативную ситуацию. В предыдущей главе мы касались, в частности, детерминирующей роли коммуникативной интенции, культурной (литературной) традиции, нормы перевода и др. Но, пожалуй, наиболее слабым звеном в предложенной Ю. Найдой дефиниции эквивалентности является неясность самого статуса данного понятия. В самом деле, возникает вопрос: что же такое эквивалентность — идеальный конструкт или понятие, отражающее реальную практику перевода? В определении постулируется не тождество реакций, а их подобие. Таким образом создается впечатление, что речь идет о реальной переводческой практике. Но тогда возникает вопрос о том, какая степень подобия является необходимой и достаточной для того, чтобы считать данные тексты эквивалентными друг другу. Ниже мы вернемся к этому вопросу в связи с соотношением понятий "эквивалентность" и "адекватность".

Коммуникативная эквивалентность (именуемая также текстовой и переводческой эквивалентностью) определяется Г. Йегером как отношение между текстами, существующее в тех случаях, когда оба текста совпадают по своей коммуникативной ценности, или, иными словами, способны вызвать одинаковый коммуникативный эффект. Последний понимается как передача адресату определенного мыслительного содержания. Иными словами, коммуникативная эквивалентность — это отношение между текстом на исходном языке и текстом на языке перевода, которое возникает в тех случаях, когда при переходе от оригинала к конечному тексту сохраняется или остается инвариантной изначальная коммуникативная ценность текста [Jäger, 1975, 87].

Определение Г. Йегера ценно прежде всего тем, что оно в полной мере включает в рассмотрение такую важную для перевода категорию, как текст. Автор определения правильно обращает внимание на связь таких понятий, как "эквивалент" и "инвариант". Именно инвариантность определенных свойств оригинала (в данном случае его "коммуникативной ценности") обеспечивает эквивалентность конечного текста исходному.

Выше, рассматривая различное понимание сущности перевода, мы упрекали Г. Йегера в максимализме ввиду того, что он рассматривал полное сохранение коммуникативной ценности оригинала в качестве онтологической характеристики перевода. Что же касается предлагаемого им определения эквивалентности, то оно, на наш взгляд,

может считаться вполне оправданным с той, разумеется, существенной оговоркой, что речь идет не об усредненной характеристике реальной переводческой практики, а о ее идеальном эталоне. Этот вопрос будет подробнее рассмотрен ниже, в разделе "Эквивалентность и адекватность".

Если в приведенных выше определениях понятие эквивалентности предстает перед нами в недифференцированном виде, то в работах других авторов основной упор делается на вариативность этого понятия, на существование различных видов и аспектов эквивалентности. Так, например, В. Коллер считает, что понятие эквивалентности приобретает реальный смысл лишь в том случае, когда уточняется вид или тип эквивалентных отношений между текстами. Само по себе понятие эквивалентности, по его мнению, постулирует лишь наличие неких отношений между исходным и конечным текстами. Недифференцированное требование эквивалентности, предъявляемое к переводу, бессодержательно, поскольку остается неясным, в каком именно отношении перевод должен быть эквивалентным оригиналу.

Вид эквивалентности уточняется путем указания на те аспекты, в которых применяется это нормативное понятие. Иными словами, речь идет о тех конкретных свойствах оригинала, которые должны быть сохранены в процессе перевода. В. Коллер различает следующие пять видов эквивалентности: 1) денотативную, предусматривающую сохранение предметного содержания текста (в переводческой литературе оно именуется "содержательной инвариантностью" или "инвариантностью плана содержания"; 2) коннотативную, предусматривающую передачу коннотаций текста путем целенаправленного выбора синонимичных языковых средств (в переводческой литературе обычно относится к стилистической эквивалентности); 3) текстуально-нормативную (*textnormative Äquivalenz*), ориентированную на жанровые признаки текста, на речевые и языковые нормы (в переводческой литературе также часто фигурирует под рубрикой "стилистической эквивалентности"); 4) прагматическую, предусматривающую определенную установку на получателя (в переводческой литературе также именуется "коммуникативной эквивалентностью"); 5) формальную, ориентированную на передачу художественно-эстетических, каламбурных, индивидуализирующих и других формальных признаков оригинала [Koller, 1983: 186—191].

Достоинством релятивистского подхода к эквивалентности является, на наш взгляд, то, что он учитывает многомерность и многогранность процесса перевода. В. Коллер прав, отмечая, что эквивалентность является нормативным, а не дескриптивным понятием. В приводимом им перечне видов эквивалентности находят свое отражение нормативные требования, предъявляемые к переводу. Некоторые из этих требований частично противоречат друг другу. В них проявляются рассмотренные выше "парадоксы перевода".

В Коллер исходит из предположения, что в шкале ценностей, которыми оперирует переводчик, существуют лишь переменные величины. Каждый раз, переводя текст в целом или какой-либо из его

сегментов, переводчик стоит перед задачей установить иерархию ценностей, подлежащих сохранению в переводе, и на ее основе — иерархию требований эквивалентности в отношении данного текста. Таким образом, иерархия этих требований варьируется от текста к тексту, что не дает возможности сформулировать то главное требование, которое лежит в основе любой эквивалентности [там же, 91].

Действительно, соотношение между различными требованиями, предъявляемыми к переводу, является переменной величиной. Однако думается, что требование коммуникативно-прагматической эквивалентности при всех условиях остается главнейшим, ибо именно это требование, предусматривающее передачу коммуникативного эффекта исходного текста, подразумевает определение того его аспекта или компонента, который является ведущим в условиях данного коммуникативного акта. Иными словами, именно эта эквивалентность задает соотношение между остальными видами эквивалентности — денотативной, коннотативной, текстуально-нормативной и формальной.

Это положение вполне согласуется с выдвинутым нами ранее положением о функциональном инварианте перевода, определяемом функциональными доминантами текста и их конфигурацией, и охватывающем как те случаи, когда первостепенное значение приобретает требование денотативной эквивалентности, так и те, когда коммуникативная установка речевого акта выдвигает на первое место другие функциональные характеристики переводимого текста [Швейцер, 1973, 68—70].

В отличие от В. Коллера В.Н. Комиссаров различает следующие уровни (типы) эквивалентности, понимаемой как разные степени смысловой общности между переводом и оригиналом: 1) цели коммуникации, 2) идентификации ситуации, 3) "способа описания ситуаций", 4) значения синтаксических структур и 5) словесных знаков [Комиссаров, 1980, 59—100]. Если у В. Коллера все виды эквивалентности выстраиваются в одной плоскости, то у В.Н. Комиссарова они образуют иерархическую структуру, хотя характер иерархии не вполне ясен. По мнению автора, предложенная им ранее иерархическая модель эквивалентности была упрощенной. "Очевидно, что здесь мы имеем дело с иным типом иерархии, компоненты которой не организуются в многоуровневую систему, где единицы каждого уровня включают в себя единицы уровня нижеследующего" [там же, 100].

Наименьшей степенью смысловой общности характеризуются отношения между оригиналом и переводом на уровне цели коммуникации. Сюда относятся такие случаи, как: *Maybe there is some chemistry between us doesn't mix* 'Бывает, что люди не сходятся характерами'.

Второй тип эквивалентности (на уровне идентификации ситуации) отличается от первого тем, что здесь сохраняется дополнительная часть содержания оригинала, указывающая, о чем сообщается в исходном высказывании. Иными словами, в тексте отражается та же предметная ситуация, хотя и изменяется способ ее описания: *He answered the telephone* 'Он снял трубку'.

Третий тип эквивалентности (уровень "способа описания ситуации") характеризуется сохранением в переводе общих понятий, с помощью которых описывается ситуация ("способа описания ситуации"): *Scrubbing makes me bad-tempered* 'От мытья полов у меня характер портится'.

В четвертом типе эквивалентности (уровень синтаксических значений) к указанным выше чертам общности добавляется еще одна — инвариантность синтаксических структур оригинала и перевода: *I told him what I thought of him* 'Я сказал ему свое мнение о нем'. Думается, что этот тип охарактеризован не вполне точно: речь здесь может идти не об инвариантности, а лишь о сходстве синтаксических структур (ср. структуру сложного предложения в оригинале и простого — в переводе).

Наконец, к пятому типу эквивалентности (на уровне словесных знаков) относятся те случаи, когда в переводе сохраняются все основные части содержания оригинала. Сюда относятся такие случаи, как: *I saw him at the theatre* 'Я видел его в театре'.

Преимуществом концепции В.Н. Комиссарова по сравнению с изложенной выше концепцией В. Коллера является то, что здесь в понятие эквивалентности вкладывается достаточно определенное содержание. В качестве обязательного условия эквивалентности постулируется "сохранение доминантной функции высказывания" [Комиссаров, 1980, 71], что вполне соответствует выдвинутому нами положению о функциональном инварианте перевода, опирающемся на функциональные доминанты текста. В.Н. Комиссаров, безусловно, прав, отмечая ведущую роль цели коммуникации в установлении эквивалентных отношений между оригиналом и переводом. Поскольку цель коммуникации относится к категории прагматических факторов, это равноценно признанию главенствующего положения прагматической эквивалентности в иерархии требований, предъявляемых к переводу. Единственное различие между этим положением и тем, которое было нами изложено выше, сводится к тому, что у нас речь идет о "коммуникативном эффекте", а у В.Н. Комиссарова — о цели коммуникации. Однако указанное различие несущественно, так как это — соотносительные понятия (для того, чтобы состоялась коммуникация, эффект должен соответствовать цели).

Менее обоснованным представляется утверждение о том, что различие между типами эквивалентности сводится к степени общности содержания оригинала и перевода. Например, различие между третьим и четвертым типами эквивалентности отнюдь не затрагивает их содержания, а касается лишь их синтаксической формы. Четвертый тип характеризуется большей степенью синтаксического (но не семантического) сходства, чем третий. То же самое относится и к различию между пятым типом и, скажем, четвертым и третьим. Различие здесь также характеризуется степенью формального (но не смыслового) сходства. Поэтому нет достаточно убедительных оснований утверждать, что лишь пятый тип эквивалентности обеспечивает "наибольшую степень смысловой общности, которая только может существовать между текстами на разных языках" [там же, 95].

Думается, что типология переводческой эквивалентности может быть представлена как в виде иерархической, так и в виде одномерной структуры.

К предлагаемой нами иерархической модели эквивалентности ближе примыкает схема В.Г. Гака и Ю.И. Львин, в которой различаются три вида эквивалентности: формальная, смысловая и ситуационная. При формальной эквивалентности общие значения в двух языках выражаются аналогичными языковыми формами (например: *La dele'gation frangaise arrive aujourd'hui à Moscou* 'Французская делегация прибывает сегодня в Москву'). Смысловая эквивалентность предполагает выражение одних и тех же значений различными способами (например: *La delegation a quitte Moscou par avion a destination de Paris* 'Делегация вылетела из Москвы в Париж'). И наконец, особенностью ситуационной эквивалентности является то, что одна и та же ситуация описывается не только с помощью различных форм (как и при смысловой эквивалентности), но и с помощью различных элементарных значений (сем) выражаемых этими формами; одно и то же сообщение об отбытии французской делегации может быть озаглавлено и по-русски: "Французская делегация вылетела на родину", и по-французски: "*La delegation franqaise regagne Paris*) [Гак, Львин, 1970, 10].

При формальной эквивалентности наблюдается подобие слов и форм при подобии значений. Различия средств выражения проявляются лишь в общих структурных различиях двух языков (наличие артикля во французском языке при отсутствии падежных форм и др.). При смысловой эквивалентности совокупность сем, составляющих общий смысл обеих фаз, одинакова. Варьируются лишь языковые формы их выражения (способ движения по воздуху в русской фразе выражается корнем глагола (-лет), а во французской — существительным с предлогом — *par avion*). При ситуационной эквивалентности различия в наборе сем, описывающих одну и ту же ситуацию, проявляются в том, что в русском высказывании присутствуют семы удаления, способа передвижения, прош. времени, а во французском — приближения, наст. времени действия.

Однако "формальная" эквивалентность, как следует из приведенных выше примеров, является не только формальной. Ведь приведенные в качестве ее примера элементарные фразы не только эквиваленты друг другу по форме, но и по смыслу, и по отражаемой в них предметной ситуации. "Смысловая" эквивалентность также не является чисто смысловой, - поскольку она одновременно устанавливается и на уровне предметной ситуации. По сути дела, все три категории эквивалентности представляют собой результат различных переводческих операций: в первом случае речь идет о простейшей из этих операций — субституции, т.е. о подстановке знаков языка перевода вместо знаков исходного языка, а во втором и в третьем — об операциях более сложного типа — так называемых переводческих трансформациях.

На трансформациях мы подробно остановимся ниже (гл. IV и V). В этом разделе мы рассмотрим их лишь в первом приближении в

связи с предлагаемой нами моделью уровней эквивалентности. Эта модель строится на учете двух взаимосвязанных признаков: 1) характера трансформации, которой подвергается исходное высказывание при переводе, и 2) характера сохраняемого инварианта. При построении этой модели за основу были приняты три измерения семиозиса (знакового процесса), различаемые в семиотике, — синтактика (отношение "знак : знак"), семантика (отношение "знак : референт") и прагматика (отношение "знак : человек").

На синтаксическом уровне имеют место субституции типа: *The sun disappeared behind a cloud — Солнце скрылось за тучей; Результаты были катастрофическими — The results were disastrous.* В этом случае переводческая операция может быть описана как замена одних знаков (единиц) другими с сохранением синтаксического инварианта.

К семантическому уровню относятся те виды эквивалентности, которые в изложенной выше схеме В.Г. Гака и Ю.И. Львин называются "смысловым" и "ситуационным". Здесь фраза на языке перевода является трансформом исходной фразы. Сюда входит широкий спектр трансформаций (пассивизация, номинализация, замена слова словосочетанием и др.): *Послали за электриком — An electrician has been sent for; Ваша жена прекрасно готовит — Your wife is a superb cook; They are queueing for tickets — Они стоят в очереди за билетом.*

Все эти случаи семантической эквивалентности объединяет наличие одних и тех же сем (семантических компонентов) при расхождении в инвентаре формально-структурных средств, используемых для их выражения. Поэтому данный подуровень семантической эквивалентности можно назвать компонентным.

Если на компонентном подуровне в процессе перевода сохраняется компонентная (семная) структура высказывания, то на "ситуативном" происходят известные сдвиги в этой структуре. Фактически термин "ситуативная эквивалентность" весьма условен. Может сложиться впечатление, что в этом случае оригинал и перевод объединяет лишь то, что они соотносены с одной и той же предметной ситуацией. Но если этого было бы достаточно, то пришлось бы признать "ситуативно-эквивалентными" такие фразы, как, скажем: *Красавицей ее не назовешь — Sie ist hasslich wie die Nacht*, поскольку они могут быть отнесены к одному и тому же референту. Но ведь эти фразы явно имеют разный смысл. Очевидно, кореференция (отнесенность элементов текста к одному и тому же сегменту действительности) сама по себе еще не создает семантической эквивалентности.

Здесь, по-видимому, налицо та же закономерность, что и во внутриязыковых отношениях: отношения эквивалентности смыслов возникают не только при тождестве образующих смысл компонентов (Самолет сел — Самолет произвел посадку), но и в тех случаях, когда сочетания разных семантических компонентов приравниваются друг к другу (Вы у нас редкий гость — Вы нас не часто навещаете). В несколько упрощенном виде компонентную эквивалентность можно изобразить в виде следующей формулы: $a + b + c... + z =$

= a + b + c... + z, где a, b, c и т.д. — тождественные семантические компоненты (семы). Что же касается "ситуативной" эквивалентности, то ее можно свести к формуле: a + b = c + d, где a, b, c и d — различные семантические компоненты (семы). Этот подуровень семантической эквивалентности мы назовем референциальным, имея в виду инвариантность референциального смысла приравняваемых друг к другу разноязычных высказываний. См. примеры: *У меня стоят часы* — *My watch has stopped*; *The air crash in Illinois killed 84 passengers* — *Beim Flugzeugabsturz im Illinois sind 84 Fluggäste ums Leben gekommen* — *В результате авиакатастрофы в Иллинойсе погибли 84 пассажира*; *Das ist nur ein Katzensprung* — *This is just a stone's throw* — *Это отсюда рукой подать*. Этот тип эквивалентности основан на известном свойстве языков, связанном с использованием различных, хотя и соотносенных друг с другом, семантических признаков для порождения семантически эквивалентных высказываний. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен в гл. IV (см. также раздел "Ситуативная модель" в кн.: [Швейцер, 1973]).

Если на подуровне компонентной эквивалентности перевод осуществляется в основном путем грамматических трансформаций, то на подуровне референциальной эквивалентности речь идет о более сложных лексико-грамматических преобразованиях, затрагивающих не только синтаксическую матрицу высказывания, но и ее лексико-семантическое наполнение. В частности, среди этих трансформаций выделяются: а) трансформации, основанные на метонимических сдвигах, и б) трансформации, основанные на метафорических сдвигах. В первом случае смысловые элементы оригинала и перевода обнаруживают отношения, основанные на смежности выражаемых ими понятий, а во втором — они обнаруживают отношения, основанные на сходстве. Ср. метонимический сдвиг "состояние — действие" в первом примере (*У меня стоят часы* — *My watch has stopped*) и метафорический сдвиг в последнем (*Das ist nur ein Katzensprung* — *Это отсюда рукой подать*). Типология семантических трансформаций, осуществляемых в процессе перевода, входит в круг вопросов, рассматриваемых в следующей главе.

В схеме В.Г. Гака и Ю.И. Львин отсутствует уровень, соответствующий третьему семиотическому измерению — прагматике. Вместе с тем, как отмечалось выше, прагматический уровень занимает высшее место в иерархии уровней эквивалентности. В этой иерархии существует следующая закономерность: каждый уровень эквивалентности предполагает наличие эквивалентности на всех более высоких уровнях. Так, эквивалентность на синтаксическом уровне предполагает эквивалентность на семантическом (компонентном и референциальном) и прагматических уровнях. Компонентная эквивалентность предполагает также эквивалентность референциальную и прагматическую. Наконец, референциальная эквивалентность подразумевает и эквивалентность на прагматическом уровне. Обратной зависимости здесь не существует. Компонентная эквивалентность может существовать без синтаксической, референциальная — без компонентной. Наконец, прагматическая эквивалентность может существовать без

семантической и, разумеется, без синтаксической. Ср. следующие примеры, приводимые Я.И. Рецкером: *The Chauffeur, a Russian tsar of the period of Ivan the Terrible* (F. Scott Fitzgerald) — "Шофер — настоящий русский боярин времен Ивана Грозного".

Прагматический фактор (установка на получателя) побудил переводчицу Е.Д. Калашникову пойти на известные семантические сдвиги. Исторический ляпсус в оригинале (какие другие цари могли быть в России в период правления Ивана Грозного?) исправлен в переводе [Рецкер, 1974, 36—37]. Если трансформации, соответствующие семантическому уровню, сравнительно легко укладываются в определенные модели (здесь мы находим семантические сдвиги описанных выше типов), то на прагматическом уровне встречаются трансформации, которые не сводятся к единой модели (опущение, добавление, полное перефразирование и др.). Ср. следующие примеры: *Остается две недели шоппинга... "Шоппинг" — значит ходить по магазинам, прицениваться, делать покупки. До сих пор политический шоппинг был удачнее для республиканцев — The shopping season will last two weeks. As to political shopping, so far it has favoured the Republicans; "Ничего, до свадьбы заживет" — As the Russian saying goes, "it will heal in time for the wedding"; Many happy returns of the day — С днем рождения вас.* В первом примере переводчик опускает фразу, избыточную с точки зрения англоязычного получателя ("*Шоппинг*" — *значит ходить по магазинам...*), во втором — добавляет существенное для него уточнение (*as the Russian saying goes...*), в третьем — полностью изменяет смысловую структуру фразы, исходя из коммуникативной цели высказывания.

Таким образом, прагматический уровень, охватывающий такие жизненно важные для коммуникации факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата, управляет другими уровнями. Прагматическая эквивалентность является неотъемлемой частью эквивалентности вообще и наслаивается на все другие уровни и виды эквивалентности. Подытоживая сказанное выше, можно представить иерархию уровней эквивалентности в виде табл. 1.

Мы разделяем мысль о примате высших уровней эквивалентностей, сформулированную И. Левым в других терминах и на основе иного понятийного аппарата, но в целом достаточно точно: "У слов, несущих несколько семантических функций, наиболее важны функции в семантическом комплексе высшего порядка, будь то контекст (фразы, абзаца и т.п.), характер персонажа, философский замысел произведения" [Левый, 1974, 146].

Выбор уровня, на котором устанавливается эквивалентность, определяется специфической для данной ситуации конфигурацией языковых и внеязыковых факторов, от которых зависит процесс перевода (см. гл. II, раздел "Языковые и внеязыковые аспекты перевода"). Выше отмечалось, что понятие эквивалентности является в своей основе понятием нормативным. Отступления от иерархии уровней эквивалентности приводят к нарушениями переводческой нормы

Уровень эквивалентности		Тип инварианта			
		Синтаксический	Компонентный	Референциальный	Прагматический
Семантический	Синтаксический	+	+	+	+
	Компонентный	-	+	+	+
	Референциальный	-	-	+	+
	Прагматический	-	-	-	+

(по крайней мере той нормы, которая сложилась в советской переводческой школе), получившим название буквального и вольного перевода.

Буквальный перевод связан с нарушением отмеченной выше закономерности, согласно которой эквивалентность на любом из уровней предполагает эквивалентность на всех высших уровнях. Вот один из примеров синтаксической эквивалентности без эквивалентности семантической и прагматической: — Ты *единственная женщина, какую я когда-либо любил*. «Выходит совсем нелепо, — комментирует этот буквализм Н. Галь, — как будто говорящий любил давно и уже успел разлюбить. А надо бы просто: „До тебя я никогда никого не любил!» [Галь, 1975, 80].

В целом можно согласиться с Л.С. Бархударовым, полагающим, что буквальный переводом следует считать перевод, осуществляемый на уровне более низком, чем тот, который необходим в данном случае [Бархударов, 1975, 186].

Буквальный перевод всегда является, так сказать, переводом "недотрансформированным". При этом он проистекает из недооценки тех или иных детерминантов перевода. Часто недооценивается идиоматичность языка, забывается, что механическое воспроизведение той же совокупности семантических компонентов дает в итоге иной смысл. Так, в переводе на русский язык автобиографическая книга известной американской теннисистки Алтеи Гибсон называется "Я всегда хотела стать кем-то" (М.: Физкультура и спорт, 1978). Между тем по-английски книга озаглавлена "I Always Wanted Jo Be Somebody". В "Большом англо-русском словаре" значение somebody 'человек с положением' иллюстрируется примером: the desire to be somebody 'стремление выйти (выбиться) в люди'. Думается, что эта трактовка дает ключ к правильному переводу названия книги: "Мне всегда хотелось выбиться в люди".

Иногда в переводе недооценивается роль предметной ситуации в сохранении референциального инварианта. Н. Галь приводит в качестве примера подобного буквализма перевод английской фразы I want something human — "Хочу, чтобы рядом было что-то человеческое". Референциальный контекст этой фразы таков: старушка втайне чувствует себя одинокой, ей не хватает ласки, тепла, и она решает завести собаку. Этот контекст получает гораздо более адекват-

ное отражение в предлагаемом Н. Галь переводе: "Хочу, чтобы рядом была живая душа" [Галь, 1975, 152].

В других случаях причины буквализма коренятся в игнорировании тех или иных элементов коммуникативной ситуации перевода (чаще всего прагматической установки на адресата).

Вольный перевод объединяет с переводом буквальным то, что оба они искажают коммуникативный эффект оригинала и тем самым ведут к нарушению эквивалентности. В то же время они являются антиподами: если буквальный перевод "недотрансформирован", то вольный перевод "перетрансформирован". Дело в том, что эквивалентность обеспечивается путем трансформаций при том условии, что последние семантически или прагматически мотивированы. Известный немецкий афоризм "so treu wie möglich so frei wie nötig" ("по возможности верный, по необходимости вольный") хорошо отражает логику переводческого решения: по возможности стремясь к точности, перевод допускает вольность лишь по мере необходимости. Неоправданная вольность составляет сущность вольного перевода.

Выше, в гл. II, посвященной сущности перевода, мы уже приводили примеры вольного перевода, фактически приближающиеся к той грани, которая разделяет перевод и вольное переложение. Здесь переводчик явно "превышает свои полномочия" языкового посредника.

Ярким примером такого "превышения полномочий" было творчество талантливого русского переводчика XIX в. И. Введенского, о котором К.И. Чуковский в свое время писал: «Если Диккенс говорит: „она заплакала“, Введенский считает своим долгом сказать: „слезы показались на прелестных глазах моей малютки“. Встречая у Диккенса слово „приют“, он непременно напишет: „приют, где наслаждался я мирным счастьем детских лет...“ Никто не станет отрицать у Иринарха Введенского наличность большого таланта, но это был такой неряшливый и разнузданный (в художественном отношении) талант, что многие страницы его переводов — сплошное издевательство над Диккенсом» [Чуковский, 1936, 96—100].

В наши дни более строгие нормы перевода делают такого рода крайние проявления переводческих вольностей невозможными. Однако тенденция к вольному переводу сохранилась и поныне. Думается, что решающим основанием для характеристики данного перевода как вольного является возможность параллельного перевода, отвечающего требованиям прагматической эквивалентности и в то же время значительно точнее передающего смысловое содержание оригинала. Рассмотрим в качестве примера два перевода одного и того же предложения из романа Достоевского "Идиот" на английский язык: Было так сыро и туманно, что насилу рассвело, в десяти шагах вправо и влево от дороги трудно было разглядеть хоть что-нибудь из окна вагона

1. The weather was so damp and foggy that the break of day had brought only a pale and sickly light, and little could be made out at more than a dozen paces beyond the coach Windows.
2. It was so damp and foggy that it was a long time before it grew light, and even then it was difficult to distinguish out of the car-

riage windows anything a few yards to the right and left of the railway track.

В первом варианте содержатся некоторые элементы вольного перевода. Фраза *насилу рассвело* переведена: "...the break of the day brought only a pale and sickly light". Вместе с тем второй перевод свидетельствует о возможности более точного воспроизведения смысловой структуры подлинника: "it was a long time before it grew light".

В разделе, посвященном языковым и внеязыковым аспектам перевода (гл. II), указывалось, что детерминанты перевода образуют цепочку фильтров, определяющих выбор окончательного варианта. Разумеется, реальная последовательность прохождения этих фильтров может быть различной. Вместе с тем в свете описанной выше иерархической модели уровней эквивалентности можно высказать предположение о том, что существует определенная (хотя, разумеется, не жесткая) корреляция между тремя уровнями модели эквивалентности и основными этапами процесса выработки переводческого решения. Собственный опыт автора и анализ работ других переводчиков позволяют выдвинуть гипотезу, согласно которой процесс отбора варианта является постепенным восхождением от низших уровней эквивалентности к высшим. Иначе говоря, этот процесс представляет собой серию трансформаций, в ходе которых переводчик может отказаться от эквивалентности на более низком уровне во имя эквивалентности на более высоком.

Поучительным в этом отношении может оказаться анализ переводческих черновиков. К сожалению, эти материалы редко попадают в поле зрения исследователей. В этой связи значительный интерес представляют опубликованные Р. Хартманом черновые варианты перевода романа Э.М. Ремарка "На западном фронте без перемен" на английский язык [Hartmann, 1981, 206]. Эти материалы дают возможность проследить генезис перевода на его основных этапах. Рассмотрим путь переводчика романа А. Весли Уина к оптимальному варианту на материале вводного абзаца:

Wir hegen neun Kilometer hinter der Front. Gestern wurden wir abgelöst; jetzt haben wir den Magen voll weisser Bohnen und Rundfleisch und sind satt und zufrieden. Sogar für abends hat jeder noch ein Kochgeschirr voll fassen können; dazu gibt es ausserdem doppelte Wurst und Brotportionen - das schafft. So ein Fall ist schon lange nicht mehr dagewesen... (E.M. Remarque. "Im Westen nichts Neues", 1929/1977).

We are lying six miles behind the front. Yesterday we were relieved; now with stomachs full of bully-beef and beans we are replete and at peace. Tonight every man is to have another dixie full for the evening; there is besides a double ration of sausage and bread. It's such things that make a man, but such things do not happen every day ("No News in the West", рукопись).

We are at rest five miles behind the front; now our bellies are full of bully beef and haricot hash and we are satisfied and at peace. Each man has another mess-tin full for the evening; and what is more, there is a double ration of sausage and bread. It's such things that put a man in fine trim. Such a thing has not happened for a long time ("All Quiet in the West", машинописный текст).

We are at rest five miles behind the front. Yesterday we were relieved; and now our bellies are full of beef and haricot beans. We are satisfied and at peace. Each man has

another mess-tin full for the evening and, what's more, a double ration of sausage and bread. That's the stuff to put us in fine trim. We haven't had such luck for a long time („All Quiet on the Western Front", сигнальный экземпляр).

Исправления, которым переводчик подвергал текст, соответствуют общей стратегии постепенного преодоления буквализмов и нахождения оптимального варианта, отвечающего данной коммуникативной ситуации. Ярче всего это прослеживается в переводе названия романа. Первый вариант (No News in the West) — явный буквализм. Учет прагматических факторов, и в частности установки на английского адресата, потребовал отказа от буквального перевода. Ведь для читателя-немца "Im Westen nichts Neues" — привычная фраза из сводки военных действий. Поэтому переводчик избирает трансформированный вариант: "All Quiet in the West". Однако, прочитав этот вариант заново глазами английского читателя, переводчик приходит к выводу о том, что in the West не вызывает у него четких ассоциаций с западным фронтом кайзеровской Германии. Так рождается окончательный вариант: "All Quiet on the Western Front".

Буквализмом является и первый вариант перевода фразы: Wir liegen neun Kilometer hinter der Front - We are lying six miles behind the front. Описываемая в тексте предметная ситуация требует конкретизации: We are lying... — We are at rest... (речь идет о воинской части, отведенной в тыл для отдыха). Частично буквалистской следует считать первую попытку перевода выражения Das schafft: it's such things that make a man. Дальнейшие поиски более точного семантико-стилистического соответствия приводят к еще более сложной лексико-синтаксической трансформации: That's the stuff to put us in fine trim. В последнем варианте четко прослеживается разговорная интонация (повествование ведется от лица солдата). Более того, переводчик перераспределяет семантические компоненты исходной фразы между двумя соседними предложениями: последнее предложение подвергается трансформации: Such a thing has not happened for a long time - We haven't had such luck for a long time.

Прагматический фактор играет решающую роль в поисках соответствия нем. Kochgeschirr "котелок". Первый вариант — dixie — точно соответствует оригиналу на семантическом уровне. Но dixie — это военный жаргонизм, ассоциирующийся у английского читателя с британской армией. Он привносит нежелательный локальный колорит (ведь рассказчик — немецкий солдат). Поэтому в последнем варианте предпочтение отдается более нейтральному mess-tin.

В целом работа переводчика над текстом характеризуется постепенным преодолением буквализмов в связи с более глубоким проникновением в семантику и прагматику текста. Здесь находит свое проявление характерный для перевода метод "проб и ошибок". Возможности применения этого метода в значительной мере зависят от фактора времени. Именно поэтому он находит наиболее развернутое применение в письменном переводе, не ограниченном жесткими временными рамками, и присутствует лишь в редуцированном виде в синхронном переводе, требующем мгновенных решений.

Основная стратегия, лежащая в основе поиска оптимального вариан-

та, заключается в ориентации на многомерность процесса перевода, в постепенном включении в рассмотрение всех основных измерений этого процесса — межъязыкового (межтекстового), межкультурного и межситуационного.

Выше отмечалось, что в установлении эквивалентных отношений между текстами важная роль принадлежит функциональным доминантам исходного текста. Поэтому семиотическую типологию уровней эквивалентности целесообразно дополнить функциональной типологией. Выше мы останавливались на функциональной типологии К. Раис, основанной на идеях К. Бюлера. Для анализа эквивалентных отношений при переводе более подходит типологическая схема Р. Якобсона [Jakobson, 1966], выделяющая следующие функции, отличающиеся друг от друга установкой на тот или иной компонент речевого акта: референтная или денотативная (установка на референта или "контекст"), экспрессивная — эмотивная (установка на отправителя), конативная — волеизъявительная (установка на получателя), фатическая — контактоустанавливающая (установка на контакт между коммуникантами), металингвистическая (установка на код), поэтическая (установка на сообщение, на выбор его формы). В соответствии с этими функциями можно говорить об эквивалентности референтной, экспрессивной, конативной, фатической, металингвистической и поэтической.

По сути, установление доминантных функций оригинала (референтной, экспрессивной, конативной, фатической, металингвистической или поэтической) определяется прагматикой текста — коммуникативной интенцией отправителя и коммуникативным эффектом текста и предполагает наличие прагматической эквивалентности между оригиналом и переводом. Иными словами, прагматические факторы играют доминирующую роль как в иерархической модели уровней эквивалентности, так и в одномерной функциональной типологии эквивалентности.

Сказанное приближает нас к более углубленному и разностороннему пониманию эквивалентности как общей переводоведческой категории. Выше отмечалась принципиальная роль разработанного лейпцигской школой теории перевода (ГДР) понятия коммуникативной (переводческой) эквивалентности. Ключевым элементом этой основополагающей категории является сохранение в процессе двужычного коммуникации коммуникативного эффекта оригинала. Между коммуникативной эквивалентностью, опирающейся на инвариантный коммуникативный эффект, и функциональной эквивалентностью, предполагающей инвариантность функциональных доминант текста, существует тесная взаимосвязь. Думается, что, предварительно уточнив различные виды функциональной эквивалентности, мы можем пересмотреть категорию коммуникативной эквивалентности, конкретизировав тот смысл, который вкладывается в понятие коммуникативного эффекта. Это понятие является одним из элементов следующей триады: 1) коммуникативная интенция (цель коммуникации), 2) функциональные параметры текста и 3) коммуникативный эффект. Эти три категории соотносятся с тремя компонентами коммуника-

тивного акта: 1) отправителем, 2) текстом и 3) получателем. Исходя из цели коммуникации, отправитель создает текст, отвечающий определенным функциональным параметрам (референтному, экспрессивному и др.) и вызывающий у получателя определенный коммуникативный эффект, соответствующий данной коммуникативной цели. Иными словами, коммуникативный эффект — это результат коммуникативного акта, соответствующий его цели. Этим результатом может быть понимание содержательной информации, восприятие эмотивных, экспрессивных, волеизъявительных и других аспектов текстов. Без соответствия между коммуникативной интенцией и коммуникативным эффектом не может быть общения. Сказанное в полной мере относится к переводу.

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ

Термины "эквивалентность" и "адекватность" издавна используются в переводоведческой литературе. Порой в них вкладывается разное содержание, а иногда они рассматриваются как синонимы. Так, в информативной статье Р. Левицкого "О принципе функциональной адекватности перевода" термин "адекватность" в ряде случаев оказывается взаимозаменяемым с термином "эквивалентность" (так, например, выдвигаемое Дж. Кэтфордом понятие переводческой эквивалентности — *translation equivalence* — трактуется в этой статье как "адекватность перевода" [Левицкий, 1984, 75]).

В то же время у других авторов понятия "эквивалентность" и "адекватность" противопоставляются друг другу, но при этом на различной основе. Так, В.Н. Комиссаров рассматривает "эквивалентный перевод" и "адекватный перевод" как понятия неидентичные, хотя и тесно соприкасающиеся друг с другом. Термин "адекватный перевод", по его мнению, имеет более широкий смысл и используется как синоним "хорошего" перевода, т.е. перевода, который обеспечивает необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях. Термин "эквивалентность", как уже отмечалось выше, понимается В.Н. Комиссаровым как смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи.

В ином ключе решают проблему соотношения эквивалентности и адекватности К. Раис и Г. Вермеер. Термин "эквивалентность", в их понимании, охватывает отношения как между отдельными знаками, так и между целыми текстами. Эквивалентность знаков еще не означает эквивалентности текстов, и, наоборот, эквивалентность текстов вовсе не подразумевает эквивалентности всех их сегментов. При этом эквивалентность текстов выходит за пределы их языковых манифестаций и включает также культурную эквивалентность.

С другой стороны, адекватностью называется соответствие выбора языковых знаков на языке перевода тому измерению исходного текста, которое избирается в качестве основного ориентира процесса перевода. Адекватность — это такое соотношение исходного и конечного текстов, при котором последовательно учитывается цель перевода (ср. "лингвистический перевод", "учебный перевод" и др.).